

УДК 323.1; 327.39
ББК 66.5 (2Рос)

НАСИЛЬСТВЕННОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА И ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИИ*

Н. Г. Очирова

Начавшиеся социально-политические и экономические преобразования российского общества выплеснули на поверхность множество ранее существовавших, но замалчивавшихся проблем. Среди репрессивных мер политики тоталитарного режима в СССР в 1940-е гг. одной из распространенных явилась депортация народов.

28 декабря 1943 года было начато насильственное выселение калмыков из родных степей в восточные районы страны. О представителях этого небольшого народа в самом начале Великой Отечественной войны писала американская журналистка Анна-Луиза Стронг: *«По странной иронии судьбы первые красноармейцы, упомянутые в берлинской прессе за «сумасшедший героизм», были не русские, а калмыки, представители народности из дельты Волги, страдавшей от различных завоевателей на протяжении тысячи лет. Нацистская «высшая раса» должна признать, что по какой-то непонятной причине из этой «низшей расы» вышли герои войны»* [Strong 1944].

Депортация калмыцкого народа из родных мест была осуществлена в годы Великой Отечественной войны, а ее скорбная дата — 70-летие со времени незаконной ссылки — отмечается в период подготовки к празднованию 70-летия Победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Республика, несмотря на малочисленность населения (179,4 тыс. человек по данным переписи 1939 года), направила на фронт с учетом проходивших действительную военную службу в рядах Красной Армии призывников предвоенных лет свыше 43 тыс. человек [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 734. Л. 7; Очиров 2001: 52]. За проявленные героизм и мужество более 30 тыс. воинов Калмыкии, в том числе 700 женщин были награждены орденами и медалями, 22

из них удостоены звания Героя Советского Союза, десятки тысяч тружеников тыла отмечены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». По числу Героев Советского Союза в соотношении к населению Республики Калмыкия находится в числе первых среди регионов России. Несмотря на это, руководство страны, огульно обвинив калмыков в пособничестве фашистским оккупантам, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», подписанным М. Калининым и А. Горкиным, лишило калмыцкий народ государственности и подвергло его насильственному выселению в восточные регионы СССР. Так было положено начало очередной трагедии в судьбе калмыцкого народа.

Проблема принудительных переселений народов вызвала большой интерес и нашла отражение во многих трудах зарубежных и отечественных исследователей. Среди них Р. Конквест [Conquest 1960; Конквест 1989; 1990], А. М. Некрич [1978] и др.

К исследованию темы депортации отечественные ученые приступили в конце 80-х гг. прошлого века в связи с преобразованиями, начавшимися в СССР в период перестройки. Этому способствовало принятие Верховным Советом СССР Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав» от 14 ноября 1989 года, а также других важных правовых документов, обеспечивавших доступ к ранее засекреченным архивным материалам.

В числе первых, кто обратился к теме незаконной депортации народов и успешно разработал ее, был историк Н. Ф. Бугай.

* Статья выполнена в рамках проекта «Демография народов Калмыкии» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2013 гг.

Фундаментальные труды ученого пролили свет на те беззакония, которые творились в советском государстве в период тоталитарного режима. В них проанализированы причины, механизм, особенности насильственных переселений тех или иных народов, даны достоверные сведения о жертвах репрессий — отдельных народов Советского Союза, об адских условиях их пребывания в местах спецпоселения, массовой гибели детей, стариков, женщин. Значительный вклад внес Н. Ф. Бугай в исследование истории насильственного переселения калмыцкого народа [Бугай 1989; 1990; 1991а; 1991б].

Изучению принудительных переселений народов посвящены работы В. Н. Земскова. В своей монографии «Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960» и многочисленных статьях ученый попытался проанализировать статистику всех поступивших на спецпоселение контингентов, показать географию их расселения, дать социально-демографическую характеристику и т. д. [Земсков 1991; 2003].

В числе важнейших исследований, изданных в последние десятилетия и затрагивающих нашу проблематику, — работы В. Б. Убушаева [1991; 2007], К. Н. Максимова [2003; 2004], П. Д. Бакаева [1992; 2003], К. Н. Максимова, Н. Г. Очировой и С. Д. Таванец [2005], Б. У. Серазетдинова и А. С. Иванова [2007] и др. В работах этих ученых рассматриваются различные аспекты истории депортации калмыцкого народа, положение спецпереселенцев в местах поселения, приводятся сведения об их численности и трудовой деятельности в регионах Сибири и Средней Азии. Подробно анализируя действия высших эшелонов власти страны в те годы, исследователи приходят к выводу о том, что незаконная депортация отдельных народов была грубейшей ошибкой партийных органов и правительства, приведшей к тяжелым социально-экономическим и невосполнимым демографическим и культурным потерям.

Одной из актуальных и недостаточно изученных проблем депортации калмыцкого народа является демография. Между тем 13-летнее, полное драматизма, вынужденное пребывание этноса в Сибири и других восточных регионах страны характеризуется высокой демографической напряженностью.

Насильственное переселение калмыков проводилось по заранее разработан-

ному плану и отличалось особой жестокостью по отношению к депортированному населению. Стариков, женщин, детей увозили в «телячьих вагонах» без запаса продовольствия, одежды, предметов первой необходимости. Последствия для калмыцкого народа были трагичными — массовая гибель в период их выселения, нахождения в пути и пребывания в местах спецпоселения, особенно в первые месяцы и годы вынужденного проживания людей в восточных районах страны. Данные исследований ученых показывают, что калмыки потеряли в период депортации почти половину населения.

Так, эшелоном № 423 [ГА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 20] на станцию Кормиловка прибыла Р. К. Урхаева, которая впоследствии свидетельствовала, что *детей размещали на нарах, взрослые устраивались на полу. В пути кормили один раз в сутки «бурдой какой-то». Сделали импровизированный туалет: «в полу вагона пробили дырочку, из чемоданов сделали заслон». На остановках все выходили и «садились, никто не стеснялся, потому что надо было быстрее оправиться». При повагонной проверке эшелонов выяснилось, что не все калмыки пережили столь трудный путь, совершенный в самые лютые январские морозы. Очевидцы вспоминали: эшелон идет, а вдоль полотна лежат трупы: там, там, там» [цит. по: Гучинова 2005: 407].*

Ф. Надь, который находился на станции Исилькуль Омской области в момент прибытия одного из эшелонов с калмыками, вспоминал, что *«на полу вагона остались лежать мертвые ...»* [Надь 1988: 8]. А вот свидетельство Л. Наминова: *«На нарах вквивь и вкось лежали живые и мертвые. Родные не хотели расставаться с трупами, хотя умерших сбрасывали в последний открытый полувагон...»* [Наминов 2003: 262–263].

Среди прибывших в эшелонах спецпереселенцев-калмыков было выявлено большое количество больных с разнообразными болезнями (брюшной тиф, грипп, туберкулез, трахома и др.). Об отношении к больным свидетельствует донесение уполномоченного облисполкома в Называемском районе Егоровой: *«Госпитализировано 31 человек (прибывших калмыков), из них 3 умерло, остальные не госпитализированы, потому что это ни чего не даст (старость, ревматизм)»* [ГА ОО. Ф. 437. Оп. 1. Д. 131. Л. 5].

При транспортировке в Тюменскую область всего умерли в пути следования 312 человек [Бугай 1995: 80]. Свидетели отмечали, что у калмыков «почти не было багажа» [Надь 1988: 8]. Б. М. Семенова вспоминала: «Спасаясь от голода, меняли на продукты все, что было. Когда у девушки не оставалось ничего, она спорола кружева с сорочки и продала» [Северская 2005: 124].

В архивах отложилось немало материалов относительно фактов высокой заболеваемости и смертности калмыков-переселенцев. Вот как эти трагические события отражены в официальных архивных документах того периода под грифом «сов. секретно»:

Из докладной заместителя наркома внутренних дел СССР Чернышова народному комиссару внутренних дел СССР Л. П. Берия о завершении операции по переселению калмыков в восточные районы страны 27 января 1944 г.: «Докладываем, что расселение спецпереселенцев-калмыков в Алтайском и Красноярском краях, Новосибирской, Омской областях закончено 22 января 1944 года.

В период с 29 декабря по 26 января с. г. производился прием эшелонов со спецпереселенцами. Всего принято 46 эшелонов. Всего расселено 22 175 семей — 93 062 человека, в том числе мужчин — 18 982, женщин — 33 895 и детей — 40 185 человек. В пути следования эшелонов и во время расселения калмыков умерло всего 1 640 человек (1,6% к общему числу), из них детей до 16-летнего возраста — 642 человека, стариков — 736 человек и в возрасте от 16 до 40 лет — 22 человека.

В том числе умерло от воспаления легких 488 человек, от желудочно-кишечных заболеваний — 341 человек, истощения — 227 человек, туберкулеза — 65 человек, других болезней — 23 человека и в связи со старческим возрастом — 496 человек. Госпитализировано в пути следования и на станциях разгрузки 1 010 человек. Разгрузка вагонов проходила организованно и планомерно. Как и при приеме эшелонов, так и при вселении в колхозные и совхозные дома никаких эксцессов и происшествий как со стороны прибывших калмыков, так и местного населения не было.

Большинство спецпереселенцев в первые же дни после расселения приступило к работе в колхозах, леспромхозах, и на предприятиях местной промышленности» [Цит. по: Бугай 1995: 80].

В отличие от некоторых других незаконно выселенных народов, которых расселили достаточно компактно, малочисленный калмыцкий этнос разбросали дисперсно от Сахалина до Урала, от Таймыра до Средней Азии, при этом в среднеазиатском регионе калмыков было значительно меньше, чем в северных районах. Это было еще одной из причин их высокой смертности и демографического кризиса. Попав в непривычные природно-климатические условия (из степей в тайгу) в самые суровые январские морозы, они были обречены на гибель, однако «всем смертям назло» выжили.

Причины трагической гибели калмыков были выражены самими руководителями краевых, областных управлений НКВД в многочисленных справках, донесениях и других документах: сказались полная неприспособленность к суровому климату, полуголодное и полураздетое существование, недопустимая плотность размещения семей в бараках, сараях, ужасающие условия длительного нахождения в пути в туго набитых людьми товарных неотапливаемых вагонах, отмечалась необходимость адаптации к непривычным профессиям и образу жизни. Немаловажным были и моральный шок, чувство унижения от несправедливого обвинения в измене Родине и в пособничестве врагу.

По самым приближенным данным, как считает историк А. И. Некрич, эмигрировавший в 1976 году за рубеж, потери от депортации народов составили: чеченцев — 22 процента, карачаевцев — 30 процентов, балкарцев — 26,5 процента, калмыков — 14,8 процента, ингушей — 9 процентов [Некрич 1978]. Однако данные относительно калмыцкого населения ошибочны.

Перед возвращением на родину калмыки были рассеяны по 15 областям, краям и автономным республикам, по 13 областям Казахстана, а также жили небольшими группами в республиках Средней Азии (Узбекистане, Киргизии и Таджикистане). Всего в районах Сибири к началу 1956 года находилось 75836 калмыков. Калмыки-спецпереселенцы составляли здесь менее одного процента ко всему населению и проживали в основном в сельской местности (72 %). Так, в Красноярском крае проживало 16 983 калмыка, в Новосибирской области — 15 846, в Тюменской области — 9 364, в Омской области — 9 283 человека.

За первые десять лет ссылки в регионах Сибири родилось 13 724 детей калмыцкой национальности, а умерло 25 626. По Новосибирской области в последнее пятилетие до возвращения на родину в среднем ежегодно рождалось на 1000 жителей калмыцкого населения 55 младенцев, а в среднем по области ко всему населению — 38 детей, по Алтайскому краю — соответственно 48 и 35 человек. Однако смертность среди калмыков была в два раза выше, чем среди местного населения. В эти годы смертность их ежегодно составляла: по Новосибирской области 28 на 1000 человек, в Алтайском крае — 23, тогда как по всему населению — 10–11 человек [Бакаев 2003: 101].

В связи с депортацией калмыков и ростом населения возникла острейшая нехватка жилья в местах их пребывания. Поэтому им выделяли лишённые удобств, преимущественно одноэтажные, рассчитанные на десятки семей, широко распространённые в тех местах бараки. Скученность населения, антисанитарные условия порождали многочисленные эпидемии. Питание на грани голода, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, антисанитария, неудовлетворительное медицинское обслуживание, а также неприспособленность калмыков к новым климатическим условиям вызывали повышенную заболеваемость и высокую смертность, особенно от туберкулеза. Так, в Алтайском крае смертность от туберкулеза среди всего населения составляла 3,1 % к числу умерших, а среди калмыков — 48 %. В Новосибирской области смертность от туберкулеза составляла 9,7 % от числа умерших, а среди калмыков 43 % (ср. в Калмыкии в 1940 г. — 16,6 %). Таким образом, почти в половине калмыцких семей имелись больные туберкулезом. В Голышмановском районе Тюменской области больных трахомой было 0,2 %, а среди калмыков — 18 %.

Для того чтобы осознать, какое положение занимали спецпереселенцы-калмыки в социальной структуре советского общества, необходимо провести сравнение с другими категориями населения. И тут аналогии напрашиваются сами собой. В конце 1943 года Ханты-Мансийский госрыбтрест обязался предоставить одной из исправительных колоний жилое помещение площадью в 2 кв. м на одного человека заключённого, т. е. реальная обеспеченность жилплощадью калмыков в среднем была чуть лучше, чем у заключённого, но иногда уступала и этой,

столь невысокой «норме» обеспечения [ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 813. Л. 10].

Отчеты об обустройстве спецпереселенцев-калмыков с мест, где они расселялись, составлялись обтекаемо, что позволяло достаточно успешно скрывать положение дел на местах. Однако в ряде такого рода документов, направленных в вышестоящие органы, раскрывается реальное положение калмыков. Так, помещения, где разместили калмыков, работавших на Сургутском консервном заводе, оказались непригодными к проживанию в зимних условиях: окна одинарные, двери были не утеплены, потолок в большинстве комнат промерзал [ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 865. Л. 4]. Во многих помещениях стекла отсутствовали, в ряде случаев их заменяли фанерой или другими подручными средствами [ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 796. Л. 95].

Многие спецпереселенцы прожили не одну суровую сибирскую зиму в выкопанных кое-как землянках. Сверху в землянку вели ступеньки, пол был земляной. Автору этих строк от рождения и почти до 6 лет тоже «посчастливилось» жить в такой землянке, где в углу была печь, а оставшуюся часть землянки занимали нары, на которых спали взрослые и дети в количестве 6 человек. Нам с мамой места на нарах не хватило, поэтому мы спали перед нарами на сырой земле, положив соломенный матрац. Днём нары использовали как стол для еды, поскольку больше места не было. У двери в стену были забиты гвозди, на которые вешали одежду. Все другие пожитки хранили под нарами. Из-за нехватки топлива в землянке зимой всегда было сыро и холодно. Таким образом, калмыки жили по принципу «в тесноте, да не в обиде». На небольшой площади землянки нас умещалось 8 человек. Сейчас это кажется невероятным, но так было.

О бедственном положении калмыков сообщил в своем письме от 2 февраля 1944 г. председатель Ларьякского райсовета Вторушин вышестоящему руководству: «Большинство калмыков не имеют нижнего белья и верхней теплой одежды, помочь на месте мы не имеем никакой возможности, так как никаких фондов товаров нет...» [Набокова 2005: 66–67].

Многие калмыки имели только одну смену верхнего платья, на ногах носили брезентовые с деревянными подошвами башмаки. Но даже такой обуви у большинства из них

не было, поэтому они ходили босиком. Моя тетья, Урубжурова Г. З., с горечью вспоминала, что, находясь в депортации в Новосибирской области, пасла скот и, чтобы хоть как-то согреть ноги, опускала их в зимнюю стужу в коровьи «лепешки». Чтобы спасти от голода своих малолетних троих детей, отец которых воевал на фронте, за булку черного хлеба в день ей пришлось возить трупы умерших от голода земляков и зарывать их в снег у кладбища. Поскольку калмыки умирали в деревне каждый день, иногда по несколько человек, то, несмотря на смертельную усталость, она снова и снова тащила ненавистные санки, с которых трупы падали, и ей надо было поднимать их и укладывать, а затем везти дальше, увязая ногами в глубоком снегу. Ценой таких страданий в 29 лет сестра моей мамы смогла спасти сыновей от гибели. Когда я спрашивала ее: «А не страшно было?», — она отвечала, что не мертвых надо бояться, а живых, видимо, имея в виду тех, кто отправил их в ссылку.

Депортация коснулась и непосредственных участников Великой Отечественной войны. В 1944 году на ее завершающем этапе со всех фронтов по национальному признаку около 5 000 солдат и сержантов были сняты и отправлены в Молотовскую область (ныне Пермский край) для работы в составе «рабочих колонн НКВД» на строительстве Молотовской (ныне Широковской) ГЭС. Многие из них здесь погибли от изнурительного каторжного труда, от скудного полуголодного содержания. А больные и истощенные были «активированы», и им было разрешено выехать в места спецпоселения своих родных, где некоторые из них выживали, а иные, едва добравшись и даже не встретившись с близкими, не найдя их, умирали. Таким образом, фронтовики-калмыки, в том числе и офицеры, разделили участь своих родных и близких на спецпоселении.

Вместе с тем следует помнить, что несмотря на процессы принудительного переселения калмыков, значительная часть их продолжала воевать на фронтах Великой Отечественной войны, в рядах партизан и бойцов Сопротивления в Европе. Многие из них и не подозревали о трагических событиях, происходивших на их малой родине с их народом.

В сведениях о численности возвратившихся с фронта спецпереселенцев (1945–

1946 гг.) значится калмыков-офицеров 383 человека, 1 118 сержантов и 4 683 рядовых [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 98–99].

Говоря о потерях калмыцкого населения в годы незаконной ссылки, следует отметить, что на первом этапе было депортировано 93 139 калмыков, на втором — более 2,5 тысяч, на третьем — около 1 200 человек. Добавим к ним более 5 000 калмыков-мужчин, отозванных из Красной Армии в 1944 году. Следовательно, смертность калмыцкого населения в дороге и первые год-полтора составляла почти 55–60 % [Убушаев 1991: 41]. К сожалению, насильственное переселение до сих пор отрицательно отражается на приросте калмыцкого населения республики и спустя почти 70 лет продолжает влиять на генофонд этноса и на демографическую ситуацию в целом.

Таким образом, убыль среди калмыцкого населения в рассматриваемый период была очень высокой, она перекрывала прирост, и численность калмыков неуклонно сокращалась. Поэтому тринадцатилетнее принудительное пребывание нашего народа в восточных регионах страны можно выделить в качестве особого (трагического) этапа и в демографической истории калмыков.

Если сравнить калмыцкое народонаселение с дореволюционным периодом (по данным Всероссийской переписи 1897 года, калмыков насчитывалось более 200 тысяч человек), то за прошедшие почти 100 лет этнос так и не достиг своей дореволюционной численности. Анализируя динамику рождаемости в Калмыцкой АССР на 1000 чел. населения за 13 лет (1959–1971 гг.) сразу после возвращения их из ссылки, Э. Л. Каспаров отмечает, что среди калмыков показатель рождаемости составил 65,4 % и был самым низким по сравнению с представителями других народов, проживающими в республике (русские, народы Северного Кавказа и др.) [Каспаров 1974: 18].

Данные исследований ученых с достаточной степенью основания дают право утверждать, что катастрофическое уменьшение численности калмыцкого населения прямо связано с последствиями насильственной депортации калмыцкого народа. Вместе с тем проблемы демографии, рассмотренные в данной статье, требуют дальнейшего скрупулезного и углубленного изучения и остаются по-прежнему, актуальными. Написание правды о насильственном переселении народов необходимо

и для того, чтобы в сознании людей, особенно молодежи, сформировалась однозначная оценка незаконной депортации, по сути, бесчеловечного, антигуманного, акта тоталитарного государства, не допускающая

попыток искать оснований для оправдания репрессивных мер, примененных к отдельным народам в 40–50-е гг. прошлого столетия в СССР.

Источники

- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
 Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
 Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО).
 Государственный архив Омской области (ГА ОО).

Литература

- Бакаев П. Д. О трагедии в истории калмыцкого народа. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 176 с.
 Бакаев П. Д. Размышления о геноциде. Элиста: Б.и., 1992. 115 с.
 Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов в 30–40-х гг. // История СССР. 1989. № 6. С. 135–144.
 Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. 320 с.
 Бугай Н. Ф. О депортации калмыцкого народа // Теегин герл. 1990. № 3. С. 20–29.
 Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста: Б.и., 1991. 88 с.
 Бугай Н. Ф. Погружены в эшелоны и отправлены в места поселений... // История СССР. 1991. № 1. С. 143–165.
 Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь: два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. 2005. Вып. 3. С. 400–442.
 Земсков В. Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.
 Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960 / РАН, Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2003. 306 с.
 Каспаров Э. Л. Динамика рождаемости и брачности в Калмыцкой АССР. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1974. 138 с.
 Конквест Р. Большой террор // Нева. 1989. № 9–12; 1990. № 1–12.
 Конквест Р. Жатва скорби (главы из книги) // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 83–100.
 Максимов К. Н. Репрессивная политика Советского государства и депортация калмыцкого

- народа в 1943 г. // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е гг. XX в.: сб. науч. тр. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 3–23.
 Максимов К. Н. Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. 1918–1940 гг. М.: Наука, 2004. 311 с.
 Максимов К. Н., Очирова Н. Г., Таванец С. Калмыкия и калмыки в годы трудного лихолетья // Они сражались за Родину: Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны: Книга-хроника. М.: Нов. хроногр., 2005. С. 125–143.
 Набокова Л. В. Пребывание калмыков на спецпоселении в Ханты-Мансийском округе во время и после Великой Отечественной войны // Великий подвиг народа: II военно-исторические чтения, посв. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2001. С. 64–70.
 Надь Ф. Помнит земля сибирская // Комсомолец Калмыкии. 1988. 13 августа. С. 8.
 Наминов Л. У. Приняла Сибирь и живых и мертвых // Мы — из высланных навечно. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 261–264.
 Некрич А. М. Наказанные народы // Нева. 1993. № 9. С. 223–283.
 Очиров У. Б. Военные мобилизации в Калмыцкой АССР // Великая Отечественная война: события, люди, история: сб. науч. ст. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 45–64.
 Северская Т. И помнит мир спасенный: война и победа на страницах газеты «Новости Югры». Ханты-Мансийск: Ред. газеты «Новости Югры», 2005. 207 с.
 Серазетдинов Б. У., Иванов А. С. История повседневной жизни калмыков на Югорской земле в военное лихолетье 1941–1945 гг. Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. 208 с.
 Убушаев В. Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 95 с.
 Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение 1943–1959 гг. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2007. 496 с.
 Conquest R. The Soviet Deportation of Nationalities. London: Macmillan and Co, 1960. 204 p.
 Strong Anna-Louise. Peoples of the USSR. New-York: Macmillan Company, 1944. 246 p.

Sources

- [The National Archives of the Republic of Kalmykia]. (In Russ.)
 [The State Archive of the Omsk Region]. (In Russ.)
 [The State Archives of Social and Political History of the Tyumen Region]. (In Russ.)
 [The State Archives of the Russian Federation]. (In Russ.)

References

- Bakaev P. D. [On the Tragedy in the History of the Kalmyk People]. Elista: Dzhangar, 2003. 176 p. (In Russ.)
 Bakaev P. D. [Reflections on Genocide]. Elista: [w/o publ.], 1992. 115 p. (In Russ.)
 Bugay N. F. [Concerning Deportation of Peoples in 30–40s]. *History of the USSR*. 1989. No. 6. Pp. 135–144. (In Russ.)
 Bugay N. F. [L. Beria to I. Stalin: “According to your Order...”]. M.: AIRO-XX, 1995. 320 p. (In Russ.)
 Bugay N. F. [On Deportation of the Kalmyk People]. *Teegin Gerl*. 1990. No. 3. Pp. 20–29. (In Russ.)
 Bugay N. F. [Operation “Uluses”]. Elista: [w/o publ.], 1991. 88 p. (In Russ.)
 Bugay N. F. [Loaded into Trains and Sent to the Places of Settlement...]. *History of the USSR*. 1991. No. 1. Pp. 143–165. (In Russ.)
 Conquest R. [Big Terror]. *Neva*. 1989. No. 9–12. 1990. No. 1–12. (In Russ.)
 Conquest R. [Harvest of Grief (chapters from the book)]. *Issues of History*. 1990. No. 4. Pp. 83–100. (In Russ.)
 Conquest R. The Soviet Deportation of Nationalities. London: Macmillan and Co., 1960. 204 p. (In Eng.)
 Guchinova E.-B. M. [Each has their Own Siberia: Two Stories about Deportation of Kalmyks]. *Anthropological Forum*. 2005. Iss. 3. Pp. 400–442. (In Russ.)
 Kasparov E. L. [Dynamics of Birth Rate and Marriage in Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic]. Elista: Kalm. Book Publ., 1974. 138 p. (In Russ.)
 Maksimov K. N. [Repressive Policy of the Soviet State and Deportation of the Kalmyk People in 1943]. In: [Political Repressions in Kalmykia in the 20–40s of the XX Century]. Elista: Dzhangar, 2003. Pp. 3–23. (In Russ.)
 Maksimov K. N. [Tragedy of the People: Repression in Kalmykia. 1918–1940]. Moscow: Nauka, 2004. 311 p.

- Maksimov K. N., Ochirova N. G., Tavanets S. [Kalmykia and Kalmyks in the Stormy Years]. In: [They Fought for Motherland: Representatives of the Repressed Nations on the Fronts of the Great Patriotic War: Book Chronicle]. Moscow: Nov. khronogr., 2005. Pp. 125–143. (In Russ.)
 Nabokova L. V. [Staying of Kalmyks at a Special Settlement in Khanty-Mansiysk District during and after the Great Patriotic War]. In: [Great Feat of the People]. Conf. proc. devoted to 55th anniversary of the victory in the Great Patriotic War]. Yekaterinburg, 2001. Pp. 64–70. (In Russ.)
 Nad F. [The Land of Siberia]. *Komsomolets of Kalmykia*. 1988. August 13. P. 8. (In Russ.)
 Naminov L. U. [Siberia Accepted both Alive and Dead]. In: [We are from the Exiled Forever]. Elista: Dzhangar, 2003. Pp. 261–264. (In Russ.)
 Nekrich A. M. [The Punished Nations]. *Neva*. 1993. No. 9. Pp. 223–283. (In Russ.)
 Ochirov U. B. [Military Mobilization in the Kalmyk Autonomous Soviet Socialist Republic]. In: [Great Patriotic War: Events, People, History]. Elista: Dzhangar, 2001. Pp. 45–64. (In Russ.)
 Serazetdinov B. U., Ivanov A. S. [History of Everyday Life of Kalmyks on the Ugra Land during the War 1941–1945]. Surgut: Surgut State University Publ., 2007. 208 p. (In Russ.)
 Severskaya T. [And the Saved World Remembers: the War and Victory on the Pages of the Newspaper “News of Ugra”]. Khanty-Mansiysk: Novosti Ugrы, 2005. 207 p. (In Russ.)
 Strong Anna-Louise. Peoples of the USSR. New York: Macmillan Company, 1944. 246 p. (In Eng.)
 Ubushaev V. B. [Kalmyks: Eviction and Return. 1943–1957]. Elista: Sanan, 1991. 95 p. (In Russ.)
 Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. [Kalmyks: Eviction, Return, Revival 1943–1959]. Elista: Kalmyk State University, 2007. 496 p. (In Russ.)
 Zemskov V. N. [Special Settlers in the USSR. 1930–1960]. Moscow: Nauka, 2003. 306 p. (In Russ.)
 Zemskov V. N. [Prisoners, Special Settlers, Exiled and Expelled: Statistical and Geographical Aspect]. *History of the USSR*. 1991. No. 5. Pp. 151–165. (In Russ.)